Сергей Лукьяненко: «Книга для меня это возможеность добавить еще одну жизнь»

ПАРСУНА — так называется портрет в иконописном стиле, а также авторская программа Владимира Легойды на телеканале «Спас», в которой он говорит с человеком о самом главном. В этом номере «Фомы» — фрагменты «парсуны» писателя Сергея Лукьяненко.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ:

Первый вопрос ведущего «Парсуны»:

Легойда: Что бы Вы сочли важным и нужным сегодня сказать о себе телезрителям?

Лукьяненко: Сергей Лукьяненко, кустарь-одиночка без мотора. Дело в том, что в первые годы советской власти размышляли, к какой категории граждан отнести писателей, и присвоили им наименование «кустарь-одиночка без мотора». И мне очень нравится это

определение, потому что оно на самом деле содержит в себе очень много от профессии писателя. Писатель — это всегда одиночка, кустарь, который работает с текстом один на один.

Легойда: А отсутствие мотора?

Лукьяненко: Мотора нет, потому что на самом деле работаешь ли ты за пишущей машинкой, за компьютером или пишешь от руки — я прошел все эти этапы, — это никак не влияет на текст.

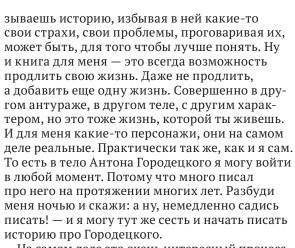

Это вещь, в общем-то, на мой взгляд, — особо с точки зрения эволюции, с точки зрения выживания вида и отдельного организма совершенно излишняя и напрямую противоречит природе. Это действительно такая уникальная, странная особенность, кроме как с душой, ее и не с чем соотнести.

При этом жизнь во всем ее многообразии, разумная жизнь, она может быть везде, и нет оснований считать, что мы настолько уникальные, что во всей огромной Вселенной есть только мы. То есть то, что где-то разумная жизнь может существовать — может быть, рядом, может быть, далеко, похожая на нас или не похожая, — это, по-моему, вполне допустимый факт.

Творчество — это та вещь, которая позволяет какие-то свои страхи персонализировать, выговорить.

То есть по сути написать какую-то историю почти как сходить к психотерапевту. Расска-

На самом деле это очень интересный процесс, даже для меня, как автора. Когда ты пишешь и внезапно — уже за плечами осталось две трети книги — возникают какие-то эпизоды, которые даже у тебя самого вызывают недоумение: ну зачем я это написал, эпизод какой-то странный, проходной. А потом вдруг что-то щелкает, и все начинает складываться. Это было, например, в одном из «Дозоров». Там появилось такое мистическое порождение Сумрака, который был назван Тигром. Такой страшноватый, крово-

жадный. Потом мне потребовался персонаж кто-то из давно живших людей, обладающий некими пророческими способностями. Начинаю искать, кто там у нас по категории пророков числится, и вдруг натыкаюсь на Эразма Дарвина, дедушку Чарльза Дарвина.

Оказалось, что он предсказал массу всяких вещей. И тут я внезапно обнаруживаю, что он был дружен с поэтом Уильямом Блейком, который написал стихотворение «Тигр, о страх, в окне горящий». А потом начинаю читать биографию Блейка, и у меня просто глаза лезут на лоб, потому что оказалось, что Блейк описывал два особых типа людей, которые живут среди людей обычных. Одних он называл «темными», а других — «светлыми». Одни, так сказать, посланцы ангельских сил, другие дьявольских. То есть в мифологии «Дозоров» это совершенно однозначно выглядело как то, что он видел темных и светлых Иных.

Оказалось, что все было не зря, что все эти персонажи сложились, как детали в пазле. И вот в этот момент ты понимаешь: это пришло не случайно. И все эти эпизоды, они выстреливают один за другим, складываются, и получается цельная картина.

Был такой американский писательфантаст Теодор Старджон, он однажды сказал, что 90% любого явления — это, мягко скажем, ерунда. И в целом он прав.

более резко.

все вкусы начинают ощущаться

И 90% книжек действительно ерунда: и 90% фантастики — ерунда, и 90% реалистической литературы. Фантастика, она просто более на виду, более на слуху. А у нас — так получилось — еще в СССР, а потом и в России к фантастике сложилось отношение как к детской литературе, которая должна развивать в детях любовь к науке и технике. Нечто сугубо прикладное, относиться к этому всерьез вроде бы нельзя. А по большому счету любой писатель так или иначе обращается к фантастике, изрядная часть «большой литературы» — это фантастика. Просто она себя так не называет.

Надеждой. Фото из архива автора

Возьмем Пелевина, он фантаст или нет? По большому счету фантаст. Он и начинал как фантаст, и премии получал как фантаст. Потом решил, что это не совсем его устраивает, и ушел в некую особую, свою область литературы. А Алексей Иванов? Замечательный писатель. Он все время балансирует на грани фантастики. Он тоже начинал как фантаст. Мы с ним были на одном и том же семинаре, два молодых автора. Елизаров, «Библиотекарь» — фантастика.

понимать, что не всегда то, что они считают любовью, ею на

самом деле является.

Масса книг, которые удостаивались похвал, были фантастикой, но делали вид, что нет. Поэтому я для себя в какой-то момент решил, что не буду маскироваться, потому что честно люблю фантастику. Она мне нравится с детства. Мне нравится размах, разгул воображения. Мне нравится возможность ставить героев в самые немыслимые ситуации и смотреть, что получится. И я не буду прятаться и говорить, что я писатель в жанре «супермагического реализма».

Есть у фантастики такая эскапистская функция: пришел человек домой с работы и как-то все плохо — начальство обругало, жена борщ не сварила... Берет книжку и вот уже у него приключение в иных мирах, убежал от скучной реальности.

И это определенная надежда, которая тоже нужна и полезна людям. Но на мой взгляд, основная функция фантастики даже не прогнозирующая, не так часто фантасты угадывают, скорее - предупреждающая. Знаете, показать какие-то варианты будущего, сказать: ребята, а нам туда нужно? Вы уверены, что вот это хорошо?

А вот братья Стругацкие угадали. У них есть замечательная вещь — «Хищные вещи века». Там есть сцена, где герой приезжает в такой очень благополучный город и видит передвижную автолавку, где продаются книги. И он хватает одну, другую, третью — суперинтересные книжки, которые он искал, — и вдруг оказывается, что они никому не нужны. И продавец говорит: да забирайте хоть все, никому это не надо, никто не читает. Как сейчас.

Успех «Гарри Поттера» заслужен это хорошая классическая сказка.

Англичане всегда были сильны в классической сказочной литературе. А Роулинг и написала хорошо, и не осознанно, наверное, поймала определенный запрос. Не просто на приключения, а на какую-то общность, дружбу. Не зря же там Гарри Поттер не один герой, их целая команда друзей. То есть это книга о школе, о взрослении. Причем она сделала совершенно великолепную вещь: она ухитрилась показать на протяжении одного цикла и взросление, и превращение мальчика в мужчину. И если первые книжки — это действительно приключения ребенка, то последние — это уже приключение юноши, молодого мужчины. Это очень большая заслуга, она молодец.

Другое дело, что было, конечно, много книг, которые могли тоже выстрелить аналогичным образом и имели потенциал превратиться в достаточно большой сериал, но не случилось. Это всегда загадка, тайна — почему одна книга вдруг попадает на острие читательского внимания, а другая нет. Роулинг же не зря отвергали пять или семь издательств. Не потому, что там дураки сидят — все же хотели издать прибыльную книжку. Но не увидели потенциала. А оказалось, он был.

И любовь, и смерть — они не зря в стихах идут рядом и рифмуются, это то, что определяет нашу жизнь.

Она неизбежно включает в себя смерть, и она неизбежно включает в себя любовь. О чем еще писать поэтам-то? О самом главном.

Правда, есть мнение, что любовь все оправдывает. Хотя существует масса примеров, когда во имя любви человек делал совершенно неблаговидные вещи. Причем это могла быть действительно любовь — и искренняя, и безумная, но

которая в итоге ни к чему хорошему не привела. То есть любовь — это могучее чувство, но оно может приводить и к беде. Возьмите историю Бонни и Клайда.

Любовь — это просто эмоция, которая захлестывает человека целиком, и она способна с равной вероятностью привести и к совершенствованию, и к тому, что он во имя этой любви совершит что-то плохое. Любовь может приносить и горе, и печаль. Но утверждение, что любовь всегда права, любовь все оправдывает, все же встречается, особенно у молодежи в силу ее приверженности романтике.

Древние греки различали массу відов любви. А у нас проблема в том, что все называется одним словом. Мы путаем агапе, эрос и так далее.

Очень часто какая-то страсть, какое-то желание близости, желание общения, понимания, развлечения путается с настоящей любовью. А потом начинаются страдания, проблемы всё, больше нет смысла жить, моя любовь неразделенная, и новой такой любви уже не будет... В этой ситуации всегда хочется сказать: подожди, дай себе месяц пожить спокойно, и ты убедишься, что это была еще не любовь. А любовь, наверное, еще будет.

Конечно, те, кто этим переболевает в детстве, как ветрянкой, они потом уже имеют иммунитет. Хотя, впрочем, не все. То есть бывают люди, которые много раз, всю жизнь наступают на эти грабли. .

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ:

Последний вопрос ведущего «Парсуны»:

Легойда: Вот если поставить вопрос о важности, нужности православнохристианского фэнтези, где вы поставите точку в предложении: «Написать нельзя избегать»?

Лукьяненко: Ах, какой коварный вопрос... Все-таки после «написать».

Полную версию «парсуны» Сергея Лукьяненко, а также откровенные рассказы других известных людей о самих себе вы найдете в книге «Парсуна: неизвестное об известных», которая выйдет в 2021 году.